

ДЖЕЙН ОСТЕН

Гордость и предубеждение

Фрагменты романа

Перевод и вступление АЛЕКСАНДРА ЛИВЕРГАНТА

В пятый раз

Основания для переперевода прозы, узаконенной переводческой практикой последних десятилетий, в идеале должны быть весьма весомые — это в поэзии переперевод вещь естественная, чтобы не сказать обязательная.

В идеале. Сегодня, однако, часто перепереводятся авторы, которые в новом переводе не нуждаются, и, наоборот, до сих пор отсутствуют новые переводы книг, в свое время переведенных неудачно или очень уж давно. Не вполне понятно, к примеру, зачем было заново переводить “Приключения Гекльберри Финна”, эту “энциклопедию американской жизни”, прекрасно переведенную Н. Дарузес, или культовый, ставший уже классическим, в том числе и по-русски, роман Сэлинджера “Над пропастью во ржи”. В результате вместо перевода Р. Райт-Ковалевой, не случайно же ставшего за эти годы фактом русской литературы, мы имеем перевод — скажем помягче — малоубедительный: трогательный, наивный, инфантильный бунтарь-подросток Холден Колфилд превратился в русской версии в рецидивиста, щеголяющего ненормативной лексикой, которой в оригинале почти нет, а если и есть, — по-русски “не смотрится”. В то же время в новых переводах нуждаются и “Исповедь” Руссо, русская версия которого изобилует досадными пропусками, и “Волшебная гора” Томаса Манна, и “Групповой портрет с дамой” Генриха Бёлля, и романы его соотечественников Лиона Фейхтвангера и Зигфрида Ленца.

Обнадеживает, однако, что сегодняшние “почтовые лошади просвещения” не робкого десятка — замахиваются на незыблемые, казалось бы, переводческие авторитеты, и в этом заочном соревновании нет-нет да берут верх. Новый перевод “Смерти в Венеции” Томаса Манна и “Процесса” Франца Кафки (Михаил Рудницкий), фрагмент которого в прошлом году печатался в “ИЛ”¹, по крайней мере, не хуже и уж определенно точнее классических переводов Наталии Ман, той же Райт-Ковалевой. А перевод Елены Баевской (еще, правда, неоконченный) монументального труда Марселя

Пруста не уступает довоенному переводу А. Франковского и, на мой взгляд, лучше — ярче, прозрачнее, современнее — Любимовского.

Оснований для переперевода, пожалуй, четыре. Экономические: издатель не может договориться с наследниками умершего переводчика, и тогда ему бывает выгоднее заказать новый перевод, чем перепечатывать старый. Временные: перевод сделан много лет назад, он, может, и неплох, но новое поколение читателей нуждается в переводах, более современных по языку, — мы же читаем, к примеру, “Графа Монте-Кристо” в слегка подновленном переводе В. Строева 1847 (!) года, осуществленном спустя лишь несколько лет после выхода в свет французского подлинника, или “Робинзон Крузо” в переводе М. Шишмаревой 1902 года. Так рождаются на свет десятые, пятнадцатые, двадцатые немецкие анны каренины, французские преступления и наказания, итальянские мастера и маргариты, английские чайки и евгении онегины, русские гамлеты и пер гюнты. Новому поколению — новые переводы! Увы, новые не значит хорошие.

И — не в последнюю, естественно, очередь — основания творческие. Издатель, взявший на себя труд (что бывает далеко не всегда) перечитать, прежде чем переиздавать, имеющийся в наличии перевод, убеждается, что он, хоть и выдержал не одно переиздание, откровенно плох: ошибки, пропуски, отсебятина, буквализмы, языковые погрешности и прочие менее очевидные переводческие огрехи. Такой горе-перевод не только нечитаем, но и подчас нередрактируем — бывает лучше перевести текст заново, тем более что переводчик, он же правообладатель, с правкой может не согласиться или же вообще откажется ее принимать. К слову сказать, в советской переводческой практике переперевод бы не в чести — от добра добра не искали. И то сказать, совсем негодные переводы были редкостью, литературных переводчиков не только читали, но и почитали, молодых, необученных к делу подпускали лишь в виде исключения и с опаской, редакторы, как правило, отличались высокой квалификацией, хорошо знали язык оригинала, не говоря уж о своем собственном, трудились на совесть и без теперешней спешки. Бывали, правда, и тогда досадные исключения: русский Ремарк, много переводившийся в советские времена, был почти весь откровенно плох и теперь перепереводится заново.

Коль скоро речь зашла о советской школе художественного перевода, школе, к слову, высокого класса, упомянем и четвертое основание для переперевода — идеологическое. Ведь пропуски, порой растянувшиеся не на одну страницу, возникают не только тогда, когда переводчик не понял или не потрудился понять оригинальный текст, но и когда читателю, по мнению редактора-цензора, — а в советское время редактор был поневоле обязан совмещать эти профессии, — читать соответствующее место в книге (возлияния, постельные сцены, нетрадиционные сексуальные отношения, политические аллюзии) возбранялось. Не потому ли сегодня, во времена свободной (надолго ли?) печати, есть насущная необходимость в перепереводе? Многие зарубежные авторы, и не только нового времени, в переводах советских лет безбожно сокращались или адаптировались, ре-

дактор, да и сам переводчик, исходя из логики “как бы чего не вышло”, смягчали или вовсе изгоняли из переведенного текста неудобочитаемые места. В качестве альтернативы существовали так называемые “импортные”, “эмигрантские” переводы — не сокращенные, но неполноценные. Переводились они на скорую руку и, как правило, непрофессионалами, людьми, литературно не одаренными, давно жившими за границей и оторванными от родного языка. А читались — наскоро и с опаской, читатель не слишком обращал внимание на сомнительные художественные достоинства перевода. Будем, впрочем, благодарны и за такие полуфабрикаты: о том, чтобы в советские времена, даже самые либеральные, печатать по-русски “1984” Оруэлла, или “Тропик рака” Миллера, или “Путешествие на край ночи” Селина, или “Слепящую тьму” Артура Кестлера, не могло быть речи. Чтение же этих книг само по себе было вызовом режиму.

Иные классики зарубежной литературы продолжают жить в старом, узаконенном на все времена переводе: перевести наново Диккенса, или Бальзака, или Гюго, выходявших у нас в памятных собраниях сочинений конца 50-х — начала 60-х годов прошлого века, сегодня рискнет мало кто. И это при том, что и в этих, в целом грамотных и талантливых, переводах хватает и неточностей, и несуразностей, и пропусков, да и откровенных ошибок тоже; известное дело: *tradittore* — *traduttore*. Не рискуют, ибо дело это и не прибыльное, и хлопотное: огромный объем, сложный язык, подтекст-аллюзии-нюансы, исторические реалии — интернет, конечно, помогает, но от этого немногим легче. Да и прежний перевод воспринимается “вполне заслуженным укором”. Так ли уж он плох? Стоило ли браться за новый? Удастся ли мне перевести лучше? Поди перепереведи “Утраченные иллюзии”, или “Дэвида Копперфилда”, или “Отверженных” — это сколько же времени надо корпеть, копаться в словарях, и еще не факт, что получится лучше, чем у мастеров прошлого, шансы их переиграть сомнительны. Логика “не боги горшки обжигают” здесь не работает.

Другим классикам повезло (если повезло) больше, их неустрашимо перепереводят всё новые поколения переводчиков, вновь и вновь бросают вызов своим предшественникам. Относится к этим авторам и Джейн Остен.

Мой перевод “Гордости и предубеждения”, романа, единодушно признанного у Остен лучшим, уже пятый. Ругать предыдущие некорректно: в любом переводе есть ведь что поправить, с чем не согласиться, а над чем и посмеяться, — и делать этого я не стану; пусть “работой над ошибками” займутся переводоведы, в журнале “Мосты” у них это получается отлично. Скажу лишь, что *моим* основанием (или, как теперь любят говорить, мотивацией) для очередного перевода этого шедевра английской прозы конца восемнадцатого столетия было желание сделать его по возможности менее громоздким, менее архаичным, более живым и современным — более *актуальным*, если угодно. Особенно это касается диалогов, прямой речи. В переводе И. Маршака (этот перевод переиздается постоянно) — тем более, И. Гуровой — персонажи романа Остен говорят, да и думают, как-то натужно, искусственно, многословно: “Да поверьте же, сударь, что мне чужда

светскость которая подразумевает намерение помучить достойного человека". Или: "Когда я был ребенком, мне привили хорошие принципы, дали понятие о правильном и неправильном, но не показали, как надо лепить свой характер". А между тем на изящном, остроумном диалоге построен весь роман, да и все, в сущности, книги Остен, порой больше напоминающие пьесы.

Два слова о русском названии книги. Все переводчики, и я в том числе, перевели название одинаково и дословно: "Гордость и предубеждение" — "Pride and Prejudice". И только Ирина Гурова, чей относительно недавний (2007) перевод больше остальных отдает архаикой, стремлением перевести английскую прозу конца XVIII — начала XIX века языком Фонвизина и Радищева, назвала свою русскую версию романа Остен "Гордость и гордыня", не имея, на мой взгляд, для этого веских причин. Ведь гордости не лишена и сама Элизабет Беннет, не только Дарси; предубеждения — не только Элизабет, но и сам Дарси; в названии оригинала нет, мне кажется, той антитезы, что характерна для Остен ("Чувство и чувствительность"), да и для других романов эпохи. Гордость и предубеждение ("и" — не "или"!)" свойственны обоим героям в равной степени, эти качества идут, так сказать, рука об руку, без одного нет другого. Как прозорливо заметил персонаж романа "Цецилия" старшей современницы Остен Фанни Бёрни: "Если горести наши проистекают от гордости и предубеждения, то и избавлением от них мы бываем обязаны также гордости и предубеждению, ибо так чудесно уравновешены они в этом мире". Не в этой ли уравновешенности залог будущего счастья Элизабет и Дарси? Счастья, к которому они, как и полагается героям традиционного романа, идут таким тернистым путем?

А потому пусть будет в четвертый раз "Гордость и предубеждение".

Книга первая

Глава I

ДАВНО известно, что холостяк с солидным состоянием испытывает потребность в подруге жизни. Какими бы чувствами и взглядами сей холостяк, поселившись на новом месте, ни руководствовался, истина эта настолько глубоко укоренилась в умах его соседей, что его пристало считать законной собственностью их дочерей.

— Мой дорогой, — сказала мужу миссис Беннет, — вы слышали, что Незерфилд-парк наконец-то сдан?

Ответ последовал отрицательный.

— А меж тем поместье сдано: миссис Лонг только что туда наведальась и все мне рассказала.

Слова миссис Беннет остались без ответа.

— И вас нисколько не интересует, кто это поместье арендовал? — с нетерпением вскричала миссис Беннет.